

Чэн Лян приготовил целую кастрюлю острой сычуаньской рыбы, Е Мянью на скорую руку сообразил закуску — яичницу с помидорами, а Сун Сяошу отвечал за рис. Даже эту простейшую задачу ему пришлось выполнять под чутким руководством Е Мянью.

Пока варилась крупа, Сяошу молчал как партизан. Стоя на кухне, он чувствовал себя абсолютно лишним. С одной стороны Чэн Лян колдовал над рыбой, с другой Е Мянью гремел сковородой, а он топтался у плиты, не зная, куда себя деть, и лишь слушал, как эти двое каждые пару минут обмениваются шпильками. Причём это не было полноценной перепалкой: Брат Мянью изливал ледяной сарказм, а Далао лениво подначивал его в ответ. Странная парочка, ничего не скажешь.

Когда они наелись и напились, дождь за окном наконец утих. Троица дружно откинулась на спинки стульев. Сяошу, уничтожив последние крохи со стола и выскребя кастрюлю дочиستا, смачно и громко рыгнул. Довольный, он похлопал себя по животу; его губы блестели от жира, но вытирать их он и не думал.

— Чувствую, разнесло меня, — протянул он.

— Судя по тому, как звонко ты барабанишь по пузу, жирка там и так хватало, — лениво отозвался Е Мянью.

Сам худой как щепка, а на животе складку хоть горстями хватай.

Глядя на гору грязной посуды, Е Мянью почувствовал острое нежелание шевелиться. Обычно, когда он ел один, всё было проще: заказывал доставку и никакой мороки с мытьём.

Чэн Лян поднялся и выдернул шнур зарядного устройства из телефона. Стоило разблокировать экран, как высветилось шесть или семь пропущенных. Он предпочитал держать телефон на беззвучном режиме — даже без вибрации, так что на звонки отвечал исключительно под настроение.

Но имя того, кто обрывал ему трубку...

Хорошее настроение мгновенно испарилось. Он невольно сильнее сжал смартфон.

Впрочем, бегать вечно не получится. Проблему всё равно придётся решать.

Он стёр историю вызовов и открыл приложение для сканирования QR-кодов. На Чэн Ляне всё ещё красовалась пижама Е Мянью. Вообще-то он не привык спать в одежде — обычно заваливался в постель с голым торсом, так что сегодняшнее облачение казалось ему забавным и непривычным, но на удивление удобным.

Подойдя к Е Мянью со спины, он протянул телефон:

— С тебя сто двадцать.

Е Мянъ удивлённо обернулся. Не сразу сообразив, о чём речь, он нахмурился, глядя на экран перед своим носом, а затем поднялся и отстранил руку Чэн Ляна:

— Забудь. Ты сегодня готовил, я ведь тебе за работу не плачу.

Как-то неловко брать с него деньги теперь.

— Просто занеси посуду в раковину.

В конце концов, мыть посуду всё равно придётся ему. Но после такого шикарного обеда Е Мянъ даже подобрел. Покосившись на застывшего с глупым видом Сяошу, он скомандовал:

— Подъём. Пошли посуду мыть.

Когда Чэн Лян двинулся было следом за ними на кухню, Сяошу тут же преградил ему путь обеими руками:

— Ни в коем случае! Далао, вы заслужили отдых. Попейте чайку, посидите на диване, посмотрите телевизор или в телефоне позалипайте. Посуда полностью на мне! Вы приготовили такую вкуснятину, как я могу позволить вам мыть тарелки? Меня же совесть замучает! И ещё... спасибо огромное за рыбу. Клянусь, я этот вкус до конца жизни не забуду!

Е Мянъ согласно кивнул:

— Нечего тебе там делать. — Он ухватил Сяошу за шкурку и потащил в кухню. — Ну ты и подлиза, мелкий. Я тоже готовил, почему меня никто не благодарит?

Чэн Лян посмотрел им вслед и тихонько усмехнулся. Но стоило ему опустить взгляд на экран телефона, как он перестал улыбаться. Глубоко вздохнув, он вышел на веранду.

— Брат Мянъ, всё познаётся в сравнении, — зашептал Сяошу, пока они делили обязанности. Он намыливал, Е Мянъ споласкивал. — Шедевр Далао — это просто вершина кулинарного искусства. На его фоне твоё творение выглядит... ну, как пресная кашка. Скромненько так, несолидно.

— Прекрасно, Сун Сяошу. Несолидно, значит? А ну-ка живо выплёвывай мою яичницу обратно!

— Не-не, Брат Мянъ, я дурак, бес попутал!

— Поздно. Разгребай тут всё сам.

Пользуясь предлогом, Е Мянъ тут же ретировался.

В гостиной было пусто, входная дверь оставалась приоткрытой. На вешалке сушилось выстиранное бельё — солнце так и не показалось, так что высохнуть оно, конечно же, не успело. В чём Чэн Ляну возвращаться? Свою одежду он надеть точно не сможет... разве что ему не слабо пойти по улице прямо в пижаме.

Е Мянъ заглянул в свой шкаф. Они были примерно одного телосложения, так что его вещи должны подойти Чэн Ляну. Вот только все они висели аккуратно выглаженные, готовые к выходу, и расставаться ни с одной из них ему ужасно не хотелось.

В дверь спальни негромко постучали. На пороге стоял Чэн Лян, засунув одну руку в карман брюк, а во второй сжимая телефон.

— Зашёл попрощаться, — сказал он. — Мне пора.

— Ясно. Но твои вещи ещё мокрые.

Чэн Лян опустил взгляд на пижаму с мультяшным принтом, которая ему, кажется, изрядно приглянулась. На этот раз на груди красовался Тигра.

Надо же, такой крутой с виду парень, а в душе — сущий ребёнок. Чэн Лян сам не знал, почему это открытие так его позабавило, но тяжёлый осадок после неприятного звонка окончательно рассеялся.

— Не возражаешь, если я пойду прямо так? — спросил он.

Е Мянъ замаялся на секунду.

—... Не возражаю.

— Вот и ладно. Спасибо. Увидимся в следующий раз — тогда и вернём вещи на место.

Хотя про себя Чэн Лян подумал, что возвращать пижаму ему совсем не хочется. Ему понравился этот мягкий комплект. Пожалуй, стоит пересмотреть свою привычку спать голышом.

— Ладно, — согласился Е Мянъ.

На самом деле он мог бы предложить Чэн Ляну сложить его сырую одежду в пластиковый пакет и забрать с собой, но эти слова так и застряли у него в горле.

— Перед уходом подари мне кое-что, — вдруг попросил Чэн Лян.

Е Мяннь опешил. Он-то думал, гость уже обувается у порога, а тот нагло требует подарок. Да и дарить тут особо нечего...

— И что тебе нужно? — спросил он. Если рыбу, то пусть забирает всю без остатка.

Чэн Лян развернулся, Е Мяннь последовал за ним в прихожую.

— Дай сигарету.

«И всё?» — мысленно хмыкнул Е Мяннь. Странная просьба, но он без лишних слов достал сигарету из лежавшей на журнальном столике пачки:

— Можешь забрать всю пачку, если хочешь.

Чэн Лян потянулся за сигаретой. Их пальцы соприкоснулись на долю секунды — расстояние между кожей было меньше миллиметра, едва уловимое, почти невесомое касание.

Заложив сигарету за ухо, Чэн Лян начал обуваться. Е Мяннь стоял рядом, провожая его взглядом.

Носки и кеды Чэн Ляна насквозь промокли. Заметив, как тот кривится, натягивая влажную обувь, Е Мяннь вынес ему пару новых чёрных носков в упаковке.

— Спасибо, — кивнул Чэн Лян.

Выйдя во внутренний дворик, он окинул взглядом сочную, умытую дождём зелень. Снял из-за уха сигарету и зажал её в кулаке. Остановившись у края вымощенной дорожки перед большой цветочной клумбой, он внезапно разбежался и легко перемахнул через неё в длину.

Приземлившись в трёх метрах от толчковой ноги, он плавно развёл руки в стороны для баланса и шутливо поклонился:

— Премного благодарен.

Он едва заметно и тепло улыбнулся.

Проблема с протекающей крышей никуда не делась. Когда ушёл и Сяошу, Е Мянью больше часа просидел на диване в глубокой задумчивости.

Купить цемент, замесить раствор, зашпаклевать... Звучало как непосильная задача. Для начала нужна хотя бы стремянка, чтобы добраться до потолка. Куда ни кинь — везде сплошная морока.

Он принёс из спальни блокнот с карандашом и набросал черновик плана. По прогнозу погоды в ближайшие две недели осадков не предвиделось. Закончить ремонт нужно было до первых дождей. А поскольку синоптики частенько ошибались, лучше было перестраховаться. Е Мянью выделил себе десять дней.

Если вычесть школьные занятия, у него оставалось ровно пять выходных. На этой неделе из-за праздника Дуанью добавился дополнительный нерабочий день. Завтра, в самый праздник, возиться с цементом точно не захочется, так что чистыми выходили всего четыре дня.

На листе постепенно вырисовывался план дома. Е Мянью крестиками отметил все места протечек. Штукатурить придётся здесь, здесь и вот тут... Всего пять проблемных зон: его собственная спальня, две точки в гостиной, одна на кухне и ещё одна в комнате матери.

Объём работы пугал. На практике всё это осуществить казалось почти невозможным.

Отложив карандаш, он растянулся на диване с телефоном. Единственным плюсом дождливого дня было то, что жара наконец спала и в комнате стало прохладно.

Он нашёл в интернете парочку обучающих видео. Посмотрев несколько минут, Е Мянью резко сел.

«Стоп».

Он упустил из виду важнейшую деталь. При ремонте потолка даже у опытных мастеров летит во все стороны известковая пыль и осыпается старая штукатурка. Что уж говорить о таком профане, как он? Он же просто угробит всю мебель и засыплет дом грязью.

К тому же прямо под тремя протечками стояли громоздкие вещи. В комнате матери вода капала прямо на платяной шкаф, на кухне — на массивный буфет. Чтобы подобраться туда со стремянкой, сначала придётся как-то отодвинуть эту тяжесть.

В замочной скважине повернулся ключ. Е Мянью лишь слегка нахмурился, продолжая неподвижно лежать на диване с зажатым в руках телефоном.

В прихожую вошла женщина. На ней было длинное платье в мелкий цветочек и ярко-красные туфли на шпильках. Копна крашенных в жёлтый цвет кудрей при каждом движении головы кокетливо покачивалась. Несмотря на подступающие зрелые годы и едва заметные морщинки, в ней угадывалась былая красота. С этим вызывающим макияжем и алой помадой на губах она выглядела от силы на тридцать пять.

Она явно только что из парикмахерской — от неё за версту разило едким химическим запахом состава для завивки. Е Мянй брезгливо поморщился и прижал указательный палец к носу.

Линь Юньжань холодно посмотрела на сына и, не проронив ни слова, скрылась в своей спальне.

Е Мянй проводил её взглядом, хмурясь ещё сильнее. В руках она держала новенькую сумку от Chanel — такая стоит не меньше двадцати тысяч юаней. Он слишком хорошо знал свою мать: даже оказавшись на мели, она ни за что не опустилась бы до дешёвой подделки.

Но откуда у неё такие деньги?

До развода она ни в чём себе не отказывала, скупая люксовые бренды тоннами. Но после расставания с мужем о роскошной жизни пришлось забыть. За весь последний год Е Мянй впервые видел у неё обновку такого уровня.

Каждый день она пропадала за маджонгом — хорошо ещё, если не проигрывала последнее, но выиграть такую сумму там было попросту нереально. Отец ежемесячно присылал ей всего шесть тысяч алиментов. С её привычкой сорить деньгами направо и налево отложить что-то было невозможно, да и копить она никогда не умела.

Размышления Е Мянй прервал резкий, визгливый крик:

— Е Мянй! А ну иди сюда! Ты что, у меня в комнате водную битву устроил?!

Чувствуя, как начинает раскалываться голова, он несильно стукнулся затылком о стену, затем поднялся, быстро подошёл к её спальне и с силой толкнул дверь:

— Ты в своём уме? Мне сколько лет, чтобы я тут из водяных пистолетов брызгался? Ещё скажи, что я тебе на кровать напрудил!

И снова то же самое. Ссоры, крики, взаимные упрёки — пока они жили под одной крышей, этот кошмар не прекращался ни на день.

Линь Юньжань презирала всё, чем он занимался. Стоило ему оставить в гостиной свой самодельный скейтборд, как она изрубила его топором и отдала соседям на растопку. Когда он смотрел телевизор, она подлетала и молча выдёргивала шнур из розетки. Собранные им

фрукты она раздавала чужим людям. Стоило ему взяться за готовку, как она принималась пилить его, называя ничтожеством. Однажды Е Мянью из лучших побуждений приготовил для неё тарелку жареного риса — она брезгливо швырнула её в мусорное ведро прямо вместе с посудой. Любая его вещь, оставленная на виду, отправлялась на помойку, если мозолила ей глаза...

Но ведь когда-то она была другой. Пусть холодноватой, но никогда не опускалась до площадной ругани и не придиралась к каждой мелочи. При встрече могла дежурно поинтересоваться учёбой, за семейным ужином подкладывала ему лучшие кусочки. Когда он простужался, велела пить больше тёплой воды и просила домработницу принести лекарства...

Всё покатилося к чертям сразу после развода. Она превратила его жизнь в сущий ад, словно видела в собственном сыне злейшего врага. Е Мянью был убеждён: у неё серьёзное психическое расстройство. Скорее всего, оно дремало в ней годами, а тяжёлый разрыв спровоцировал резкое обострение.

Линь Юньжань сидела на кровати, скрестив руки на груди, и со злостью смотрела на лужу, сочившуюся с потолка прямо на шкаф.

— А это тогда что? У меня там дорогие сумки и дизайнерские вещи, им вообще нельзя сыреть!
— Она подозрительно посмотрела на сына.

— На улицу выгляни, там ливень стеной шёл, — устало огрызнулся Е Мянью. — Крыша протекает, вот что.

Он помолчал секунду и добавил:

— И где ты пропадала последние две недели? Откуда вообще деньги на новую Chanel?

— Не твоего ума дело! — огрызнулась Линь Юньжань. — Раз у моего сына не хватает способностей обеспечить матери достойную жизнь, я сама о себе позабочусь. А теперь проваливай отсюда. С глаз моих долой. Как же ты меня раздражаешь, видеть тебя не могу!

Е Мянью крепко сжал кулаки. Ему до безумия хотелось со всей силы впечатать кулак в дверной косяк, чтобы хоть как-то выпустить скопившуюся внутри ярость. С трудом сдержавшись, он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь. Затем, словно растеряв остатки сил, привалился плечом к косяку. Наконец он разжал пальцы и молча вышел в коридор. Ноги казались ватными — то ли от усталости, то ли от душащей обиды.

Утренние часы в школе отводились под самостоятельное чтение — по вторникам это была английская словесность. Занятия начинались ровно в семь.

Учительница английского, Сюй Ин, стояла у двери класса, наблюдая за бубнящими учениками. Столкнувшись с ней в дверях, рослый Е Мянъ вежливо склонил голову:

— Доброе утро, учитель Сюй.

На часах было уже без двадцати восемь — утренний самоподготовительный час подходил к концу. Учительница английского отличалась мягким характером и никогда не устраивала сцен из-за опозданий, поэтому на её уроки ученики регулярно заявлялись с задержкой.

— Проходи, садись за работу, — мягко ответила она. — Задание на сегодня записано на доске: повторить лексику из первого юнита. На уроке устрою словарный диктант.

До конца полугодия оставалось всего полмесяца, и Сюй Ин планировала основательно прогнать класс по всем пройденным темам перед экзаменами.

— Хорошо, — кивнул Е Мянъ.

Парты в кабинете переставили по-новому, но своё место Е Мянъ отыскал сразу — его «галёрка» в самом конце класса осталась нетронутой.

Чжан Фань, таща за собой стул, перебежал из первого ряда к третьему:

— Брат Мянъ! Ты чего сегодня так рано?

— Вчера лёг пораньше, — уклонился от подробностей Е Мянъ.

Его мать весь вчерашний день провела дома, так что ему пришлось безвылазно просидеть в своей комнате. Делать там было абсолютно нечего, вот он и завалился спать раньше обычного.

— Слушай, а когда парты успели переставить? — спросил Е Мянъ.

Когда они уходили на выходные, всё оставалось по-прежнему. Списки распределения по классам ещё не вывесили, да и за утренние полчаса такую перестановку не провернёшь. К тому же вокруг мелькало слишком много незнакомых лиц.

— Так вчера же! — удивился Чжан Фань. — На прошлой неделе Лао Чжан предупреждал, что вчера после обеда нужно подойти в школу для распределения и переезда. На доске объявлений у входа висел приказ, да и на школьном форуме тему закрепляли.

Е Мянъ благополучно пропустил всё мимо ушей. Впрочем, его это мало волновало. Перераспределение касалось в основном тех ребят, кто из технического профиля решил уйти

на гуманитарный, и наоборот.

В их параллели насчитывалось двадцать классов. Три из них были специализированными — для художников, музыкантов и спортсменов, остальные же считались общеобразовательными. Из них одиннадцать классов отвели под точные науки и лишь шесть — под гуманитарные. Наглядная иллюстрация школьного уклона.

Чжан Фань принялся судорожно хлопать себя по карманам. Ничего не найдя, он с размаху хлопнул ладонью по столу так, что Е Мянью даже вздрогнул.

— Точно, они же не в карманах! Брат Мянью, погоди секунду, я сейчас принесу кое-что.

— Твою мать, чего ты так раздухарился с самого утра? — проворчал Е Мянью.

Кабинет седьмого класса первого года старшей школы заметно опустел — впрочем, теперь их следовало называть уже вторым классом старшей школы. Почти половина их ребят ушла на гуманитарное направление (в основном девчонки), а новеньких технарей из параллельных классов пришло совсем немного. Из сорока трёх человек осталось тридцать пять, среди которых четырнадцать лиц были абсолютно незнакомыми. Переформирование классов провели сразу после праздника Дуанью, в последний месяц учебного года.

Е Мянью сам поражался своей памяти: пусть он никогда особо не вникал в школьную жизнь и не слушал учителей, он безошибочно помнил, кто и за какой партой сидел раньше.

Чжан Фань вернулся и с гордым видом водрузил на парту два свертка, перевязанных жёлтой бечёвкой.

— Брат Мянью, это тебе!

Е Мянью с сомнением уставился на зелёные листья:

— Что это за гербарий?

— Цзунцзы же! Брат Мянью, ты что, китайские пельмени впервые видишь?

— Я-то знаю, что это цзунцзы, — хмыкнул Е Мянью. — Вот только сегодня уже шестой день пятого лунного месяца. Праздник Дуанью закончился вчера.

Надо же, нашёлся умелец дарить праздничные угощения на следующий день.

— Так это тебе на завтрак! — жизнерадостно отозвался Чжан Фань. — Держу пари, ты опять

пришёл голодным.

Е Мянъ действительно частенько пропускал утренний приём пищи — спросонья у него совсем не было аппетита.

— Да поел я. А сам-то что грызть будешь?

Чжан Фань размашисто хлопнул себя по груди, призывая не беспокоиться о его желудке:

— Ой, да ладно тебе! Мама снарядила меня целым мешком — штук тридцать напекла, велела учителям и ребятам раздать. Я пока этот баул до школы пёр, чуть руки не оборвал. Это вот с мясом, если не наешься — свистни, у меня ещё есть.

Цзунцзы с мясной начинкой обычно крутили на совесть — увесистые, сытные. Е Мянъ убрал свертки в ящик парты:

— Спасибо.

— А чего не пробуешь? — удивился Чжан Фань.

— На перемене съем. — Е Мянъ краем глаза заметил маячившую у двери фигуру классного руководителя — Лао Чжана, и без лишней спешки вытащил из-под парты учебник английского за первый класс старшей школы.

— А, ну да. Ты же у нас эстет, во время уроков не жуёшь, — закивал Чжан Фань. Сам он обычно уминал бутерброды прямо под носом у преподавателей, не обращая внимания на звонки.

— Я и чипсы всякие не жалую, — добавил Е Мянъ.

«М-да, Брат Мянъ у нас парень принципиальный», — мысленно уважил друга Чжан Фань.

В этот момент кто-то ощутимо похлопал Чжан Фаня по плечу. Тот вздрогнул, решив, что кто-то уже посягает на его запасы еды. Но над ухом раздался строгий голос:

— Чжан Фань, у нас утреннее чтение идёт. Чего ты у парты Е Мяня трёшься?

— А, Лао Чжан! Отлично, у меня и для вас гостинец припасён!

Парень со всех ног бросился к своей парте. Классный руководитель, Чжан Пинтао, остался стоять возле Е Мяня. Смерив его взглядом, учитель одобрительно поднял большой палец:

— Е Мянь, хвалю. Сегодня на редкость рано.

Е Мянь лишь неопределённо качнул головой. Ему всегда было немного неловко, когда взрослые раздавали такие дежурные похвалы.

Подлетевший Чжан Фань бесцеремонно всучил классному руководителю два тёплых свертка:

— Вот, держите! Один солёный, другой сладкий.

— Спасибо, не стоит, я вчера уже наелся этих цзунцзы, — попытался откреститься Чжан Пинтао.

— Да бросьте вы, Лао Чжан! Чего скромничать? Мы же с вами однофамильцы, считай, одна семья! — Чжан Фань, носивший ту же фамилию, при каждом удобном случае заявлял о родственных связях с учителем.

Наконец прозвенел звонок с урока. Е Мянь проводил взглядом учительницу английского — уходя, она прихватила со стола два аккуратных зеленых треугольника, тоже, без сомнения, подаренных Чжан Фанем.

Достав свои свертки, Е Мянь развернул листья и быстро расправился с угощением. Домашние цзунцзы тётушки Чжан оказались невероятно вкусными — риса мама Чжан Фаня не пожалела, а начинки из сочной свинины положила от души. С непривычки Е Мянь даже переел: после двух таких плотных сытных колобков в желудке воцарилась приятная, согревающая тяжесть.

<http://bllate.org/book/18333/1784930>